

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3— 1968

Д. Е. ФУРМАН

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ НАДСТРОЙКИ (Развитие христианской догматики и социальные интересы)

В советской науке до настоящего времени почти нет работ, посвященных развитию христианской догмы. Там же, где так или иначе затрагиваются проблемы развития церкви, внутрицерковной борьбы, исследователи зачастую вступают в большие противоречия при оценке отдельных догматических течений. Рассмотрим различные точки зрения на одно из таких течений — арианство.

Н. Н. Розенталь пишет: «То, что историки церкви называют борьбой ортодоксального христианства с «арианской ересью», отражало политическую борьбу различных социальных сил в Римской империи 4—5 вв. Арианство стало знаменем сепаратистских стремлений, враждебных единству христианской церкви»¹. С. Урсынович в первом издании БСЭ пишет: «На защиту арианства, однако, выступили, во-первых, городское население, среди которого богатый епископат и поддерживающие его зажиточные слои имели не мало противников, во-вторых, императорская власть, подозрительно относившаяся к усилению влияния некоторых епископов, особенно в Египте»². М. Сюзюмов в тезисах доклада «Проблема социально-политической сущности арианства» пишет, возражая Розенталу: «Классовой основой выступления ариан была борьба плебейских масс Александрии против аристократии, а не сепаратизм»³. А. Каждан выдвигает еще одну точку зрения в тезисах доклада «О социальной сущности идейной борьбы в христианстве IV—V столетий»: «Арианство, апеллировавшее главным образом к муниципальным кругам»⁴.

Чем вызвано такое различие мнений исследователей-марксистов? Все они исходят из правильной методологической предпосылки, что все формы идеологии, в том числе и догматические течения, так или иначе связаны с материальными интересами классов и социальных групп. У всех у них общая задача — установить, с каким классом или

¹ СИЭ, т. 1, стр. 2516.

² БСЭ, 1-е изд., т. 3, стр. 321—322.

³ Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района, февраль, 1963. Исторические науки. Свердловск, 1963.

⁴ Конференция по проблемам античности 9—14 апреля 1964 г. Ленинград. Тезисы докладов. М., 1964.

социальной группой было связано одно из этих догматических течений — арианство. Может быть в силу скудости источников науке плохо известны идеи ариан? Нет. История церкви представлена большим количеством источников, и догматические идеи борющихся между собой церковных группировок, в том числе арианства, достаточно известны. В чем же все-таки дело?

По нашему мнению, причина столь резких разногласий заключается в том, что ученые совершенно не исследуют, как осуществлялась связь между догматическими идеями и материальными интересами социальных классов и групп. Иногда, определяя с интересами какого класса или социальной группы связано то или иное идейное течение, можно вообще не исследовать, как возникло это течение и как такая связь могла установиться — настолько это связь ясна. Это в основном относится к социально-экономическим и политическим учениям, тесно связанным с реальными интересами классов и социальных групп. Из анализа многих из этих учений достаточно ясно их классовое лицо. Никто никогда не скажет про идейное течение, требующее, например, раздела всей земли поровну, что это течение связано с крупными землевладельцами. Но в эпоху развития христианства господствовали не социально-экономические и политические теории о монархии и республике, собственности, экономической политике, а религиозно-догматические учения о лицах, сущностях и природах бога-отца и бога-сына, о том, един или не един с ними по сущности святой дух и т. д. Естественно, что степень относительной самостоятельности этих идейных течений по отношению к социально-экономическим факторам значительно выше, чем у идейных течений социальных и политических. Механизм их связи с социальными группами значительно сложнее. Изучение их требует особого подхода. Поэтому вопросы о причинах и процессе возникновения догматических учений и о механизме их связи с социальными интересами приобретают принципиальное значение для марксистского осмысления истории догматических споров.

Настоящая работа и представляет собой попытку раскрыть причины догматических споров и механизм связи этих споров с социальной борьбой. Это позволило бы правильнее применять на данном конкретном материале марксистское положение, говорящее, что причины идеологической борьбы коренятся в конечном счете в борьбе социальных материальных интересов.

Перед взором человека, изучающего историю христианской церкви, проходят картины, близкие к картинам политической борьбы. Если мы вместо символов веры будем как бы мысленно представлять политические программы и платформы, то, как это ни парадоксально звучит, сходство собора с новейшими политическими органами типа парламента не может не бросаться в глаза. В литературе часто встречаются полусерьезные наименования групп Евсевия Кесарийского — правым центром, Евсевия Никомедийского — левым центром, Ария — крайне левой группировкой. И действительно, как в политической, так и в церковной борьбе есть свои группировки, которые мы можем условно назвать партиями, есть свои борцы за идею, мученики идеи и интриганы, авантюристы и оппортунисты, «болото», победы партий, сопровождающиеся изгнанием побежденных и захватом победителями влиятельных и доходных мест, как в государственной, так и в церковной иерархии.

Однако современный историк не может не заметить и принципиального отличия борьбы внутри политических партий и между ними и борьбы между догматическими группировками в церкви в период развития христианской догматики. Понятно, за что борются и боролись

политические деятели — за вполне реальную и конкретную политику, выражающую реальные и конкретные интересы различных социальных группировок. Понятны споры в любом буржуазном парламенте: это споры по вопросам, явно затрагивающим материальные интересы людей, выгоду разных слоев господствующего класса. Ну, а кому выгодно, например, признание или непризнание «Святого Духа» богом, кому выгодно заменить в символе веры слово «единосущный» словами «подобный», «подобносущный», «подобный по писаниям», или «неподобный»? Получается странная картина: люди борются, интригуют и даже отправляют друг друга в ссылку из-за пустых слов, на первый взгляд ровно никакого отношения к жизни не имеющих.

При рассмотрении причин этой борьбы легко впасть в две крайности: или представлять ее (как это обычно для буржуазной историографии) чисто идейной борьбой или искать за каждой богословской формулой интересы какой-то социальной группы, как бы зашифрованные в этой формуле. Нам представляется, что можно найти метод, позволяющий при изучении богословских течений не впасть в эти крайности. Этот метод заключается в установлении связи развития догмы с интересами церковной иерархии, борьбы догматической с борьбой иерархической, что обычно не учитывается и не раскрывается в исторической литературе.

Христианство было резко отлично от язычества своей догматикой и своей строгой иерархической структурой. По мере того как развивалась церковь и религия, развивалась догма и создавалась прочная, стабильная иерархическая структура. Для периода I—III вв. н. э., когда догматика только еще развивалась, когда царила догматическая неопределенность, характерна и неразвитость иерархической системы. В период вселенских соборов почти окончательно стабилизируется иерархическая структура, сохранившаяся в основных чертах до наших дней, и окончательно определяется также сохранившаяся неизменной до наших дней церковная догма. Вряд ли здесь простой параллелизм между несвязанными друг с другом явлениями — догмой и иерархией. Скорее всего между ними — более глубокая взаимосвязь.

Мы не будем вдаваться в рассмотрение тех сложных социально-психологических причин, которые привели к возникновению и победе догматической христианской религии. Рассмотрим другой вопрос. Существует разделение труда. Существует слой людей, специально посвятивший себя идеалистической работе. Связана ли структура этого слоя с характером идеологии, господствующей в обществе? Очевидно связана.

В силу определенной социально-экономической организации античного общества в нем существовало много конкурирующих идейных течений. Люди не смотрели на свою собственную идеологию как на абсолютную незыблемую истину, малейшее отклонение от которой — смертный грех. Ведь для стоика платоник или для поклонника Изиды поклонник Митры не был исчадием ада и слугой дьявола. Естественно, что в этом обществе интеллигенция и не могла быть организована так, чтобы не было возможным отклонение ее представителей от какого-то канона, какой-то догмы, ибо прежде всего не было самих догмы и канона. Затем в силу изменения социально-экономической организации общества в нем возникает потребность в религиозной догматической идеологии. Но слепая вера в религиозную догму могла быть лишь при условии уверенности в том, что в руках хранителей и истолкователей догмы — религиозных идеологов — абсолютная истина. А это в свою очередь могло быть лишь при условии согласия религиозных идеологов. Если бы этого согласия не было, то перед верующими все время вставал

бы вопрос: кто из них прав?, а этот вопрос не мог, не расшатывать веру, не открывать дорогу свободной мысли. Единая же точка зрения всех идеологов могла быть достигнута и гарантирована лишь тогда, когда они объединены в обладающую дисциплиной организацию.

Такой организацией была иерархия христианской церкви. Она обладала четко очерченным кругом лиц, имевших право объяснять мирянам религиозные проблемы — епископов, объединенных в иерархическую систему, при которой старшие епископы — патриархи — контролировали подчинявшихся им митрополитов, а те — простых епископов, причем епископам подчинялись младшие члены иерархии — пресвитеры и диаконы. Она обладала строгим порядком назначения и низложения этих лиц. Она обладала органом, призванным урегулировать разногласия между епископами — соборами епископов и высшим органом церкви — вселенским собором. Государственный аппарат, со времени Константина тесно связанный с церковью, способствовал уничтожению возникших вне церкви или отталкивающихся от нее идейных течений, помогая установлению и поддержанию ее идейной монополии⁵.

Как способствовала эта иерархия поддержанию догматического характера христианства? Чтобы учить людей, наставлять их в вере и объяснять им теологические проблемы, нужно было занимать определенное положение в церковной организации. Так как в выборе епископов роль мирян все более сходилась на нет, а роль иерархии все более возрастала, то естественно, что человеку, идеи которого противоречили господствующим в иерархии, проникнуть туда было почти невозможно. Если же все-таки кто-либо из членов иерархии начинал учить не так, как это принято, то его могли низложить, а если его идеи распространялись и возникал раскол, то созывался вселенский собор, и догматическая проблема решалась на этом соборе, причем решения его обладали значением абсолютной истины. Таким образом мы видим, что догматизм христианской религии и иерархическая структура христианской церкви составляют единое целое, одно не мыслимо без другого.

Но этим мы только еще подходим к выяснению причин догматической борьбы и ее связи с социальными интересами. Мы установили связь иерархии и догмы. Теперь необходимо показать связь между идейной борьбой вокруг развития христианской догматики и взаимоотношениями членов церковной иерархии, выяснить, какие силы двигали внутрицерковную борьбу.

Что же заставило христианских религиозных идеологов сплотиться в единую организацию? Что заставило их вырабатывать такие формы этой организации, которые были идеально приспособлены для установления единомыслия ее членов, которые идеально отвечали потребности эпохи в догматической религиозной идеологии?

Были ли какие-то специфические интересы у религиозных идеологов? Были. Их доход, влияние, почет доставляла им вера людей в то, что они обладают абсолютной истиной. В силу изменения социальных условий это было психологической потребностью масс, но это же было и материальным интересом организации религиозных идеологов. Масса стремилась к вере, религиозным идеологам была выгодна их вера.

Поэтому христианские религиозные идеологи и выработали формы организации, идеально соответствующие этой психологической потребности масс. Отдельные религиозные проповедники не обладали тем

⁵ Подробно в настоящей работе мы не останавливаемся на особом и сложном вопросе о взаимоотношении церкви и государства в тот период.

авторитетом, который требовался для ее удовлетворения. Они подрывали авторитет друг друга в конкурентной борьбе. И в ходе этой борьбы выкристаллизовывается мощная иерархическая организация — христианская церковь, постепенно лишаящая влияния своих неорганизованных идейных соперников, все время подрывавших авторитет друг друга разногласиями. Христианские церковные идеологи спорили больше, чем, например, языческие религиозные философы-неоплатоники. Они яростно спорили по самым маленьким вопросам, и на первый взгляд может показаться, что они подрывали спорами свой авторитет. Но из-за наличия организации их яростные споры по маленьким вопросам приводили к единству взглядов и этим лишь укрепляли авторитет церкви в целом как организации — носителя абсолютной истины, которая не могла заблуждаться, даже если и заблуждались ее отдельные члены. А разногласия, не вызывавшие у языческих религиозных идеологов яростные споры, так и оставались разногласиями и подрывали их авторитет.

Итак, социально-психологическая потребность в догматической религии — вот что создало церковную иерархию. Церковная иерархическая организация с ее материальной заинтересованностью в вере масс — вот что обеспечивало догматический характер религии.

Мы видели, что единства точки зрения всех членов церковной иерархии требовал их общий материальный интерес, ибо их разногласия подрывали представление о них как о носителях абсолютной истины. Что же разрушало это единство и порождало догматические споры? Тоже материальный интерес, только не общий для всех членов иерархии, а индивидуальный интерес ее отдельных членов. Церковь получала громадные богатства, громадную массу прибавочного продукта. Внутри нее кипела борьба за перераспределение этой массы прибавочного продукта. В условиях иерархической организации эта борьба принимала форму борьбы за должности.

Внутрицерковная борьба — это далеко не только идейная борьба. Это еще и борьба кафедр и борьба лиц. Борьбу кафедр за влияние еще можно в какой-то степени назвать борьбой идейной (хотя борьбу за преобладание Кесарии над Иерусалимом, и наоборот, или Рима над Константинополем трудно назвать идейной, но все-таки здесь может быть нечто большее, чем просто личный материальный интерес). Громадное же количество дошедших до нас сведений о чисто личных интригах, склоках, доходящих иногда до страшных инцидентов типа известной борьбы Урсина и Дамаса, ничего общего с идеями не имеют — это чисто карьеристская борьба, борьба за власть, влияние, деньги, красной нитью проходящая через всю историю церкви.

Связана ли борьба за перераспределение всей массы приходящегося на долю церкви прибавочного продукта с идейной догматической борьбой внутри нее? Связана самым тесным образом. Если возникал новый догматический вопрос, то на него неизбежно возникало несколько ответов, несколько догматических группировок. Вопрос должен был быть разрешен, т. е. должен был быть признан за истину один из этих ответов. Что же было с догматическими группировками? Побежденные или лишались своих кафедр, или, если они признавали себя побежденными, лишались влияния и значения. Победители делили добычу в виде освободившихся кафедр, на которые назначались их сторонники из младших членов иерархии или сами победившие епископы переходили с маленькой кафедры на большую, что было очень распространено в IV в., когда лидеры временно победивших группировок, епископы Евсевий Кесарийский, Евдоксий Антиохийский, Григорий Богослов, переходили на столичный Константинопольский престол. Таким образом,

победа в догматическом споре была тесно связана с карьерой, с личным материальным интересом. Организация иерархии подчиняла личный интерес ее членов их общему интересу, ибо порожденные борьбой личных интересов догматические споры приводили к единой точке зрения, обладавшей догматическим значением, что закрывало один из возможных спорных вопросов. Мы показали движущие силы догматического развития. Сейчас мы подошли к выяснению тенденции этого развития.

Из сказанного вытекает, что общим интересом иерархии было не допускать догматических споров. Но до поры до времени это было невозможно. Вначале церковь обладала еще очень неразвитой догматикой, содержащей множество противоречий. Иисус — бог, бог-отец—бог и в то же время бог — один. Иисус — бог, но он страдал, обладал человеческим телом и т. д. Логическая мысль идеологов христианства наталкивалась на эти противоречия и пыталась их разрешить. При этом не могли не возникнуть разногласия. Личный интерес раздувал эти разногласия, порождал догматическую борьбу. Интерес иерархии в целом требовал ликвидации разногласий, а организация иерархии давала возможность не только ликвидировать разногласия, но и «разрешить» вопрос раз и навсегда так, чтобы в дальнейшем он никогда спором в церкви не возбуждал. Отсюда логически вытекает задача религиозных идеологов и тенденция догматических споров. Задачей религиозных идеологов было создание догматической системы, устраняющей противоречия ранее принятых как аксиомы положений и поэтому неспособной к дальнейшему развитию, не могущей вызывать споры. Направление догматических споров и вело к разрешению этой задачи⁶.

Сначала разрешались основные, кардинальные вопросы вероучения, затем круг спорных вопросов как бы сужался и сужался. Самый первый по времени крупный церковный догматический спор — тринитарный — был и первым по значению с точки зрения христианского вероучения. Он разрешал основной вопрос: бог или не бог Иисус и как сочетать признание его богом с единством божества. Несторианский и монофизитский споры логически были возможны лишь после тринитарного, ибо разрешить вопрос о том, как сочетается божеская и человеческая природа у Иисуса, можно лишь, выяснив предварительно, была ли в нем вообще божественная природа и какая. В дальнейшей истории церкви круг спорных догматических вопросов еще более сужается. Раскол восточной и западной церквей произошел по сравнительно мало важному в догматическом отношении вопросу. Проблемы, порождавшие догматические споры в поздневизантийскую эпоху, вроде спора о том, кому жертвуется в причастии «тело Христово» — всей «троице» или лишь богу-отцу и святому духу — в системе догматики имеют значение самое маленькое. В то же время все большее значение во внутрицерковной борьбе приобретают споры догматические: о преимуществах кафедр или просто борьба группировавшихся вокруг отдельных церковных лидеров партий.

Впоследствии в православной церкви споры вокруг развития догматики исчезают, хотя, с одной стороны, внутрицерковная борьба продолжается на иной почве, а с другой стороны, расцветают секты, вообще отмечающие старую догму. И это понятно, ибо развивать больше уже

⁶ Представление о том, что религия развивается, естественно, разрушала веру в ее вневременную ценность. Поэтому догматическое развитие мыслилось не как открытие нового, а лишь как уяснение логическими, человеческими методами того, во что церковь верила изначально.

нечего, все догматические проблемы разрешены⁷. Иерархия выполнила часть стоявшей перед ней задачи в отношении догматики — она ее создала. Теперь ее задача стала чисто охранительной.

Мы выяснили связь между иерархической структурой церкви и догматическим характером религии. Мы видели, как иерархическая структура церковной иерархии и догматический характер ее учения связаны с ее материальным интересом. Мы видели, как этот материальный интерес порождал догматические споры и тенденцию догматического развития. Теперь нам нужно выяснить, каким путем эта догматическая борьба могла быть связана с борьбой социальной. Мы здесь не говорим об общей связи самого существования и господства христианской церкви с социальным строем общества, не говорим о том, что, отвечая психологическим потребностям масс, церковь служила подчинению масс господствующему классу. Нам интересует другое — могла ли быть связь между той или иной догматической группировкой и той или иной социальной группой. На первый взгляд может показаться, что такой связи вообще быть не могло. Развитие догмы вызвано имманентными церковному аппарату и церковной идеологии причинами. Споры идут по вопросам, не имеющим никакого отношения к материальным интересам кого бы то ни было, кроме самих церковников. Но социальная группа может быть связана с религиозным течением не только потому, что оно в прямой или фантастической форме выражает ее материальные интересы. Могут быть и какие-то иные типы связи. Посмотрим, какие вообще могут быть типы связи религиозного течения и социальной группы и какие из них приемлемы к догматической борьбе в христианской церкви:

1) связь идейная, т. е. в самом учении есть нечто, близкое к интересам того или иного класса или социальной группы. Например, религиозное учение требует общности имущества или говорит о неизбежной каре богатым на том свете;

2) связь психологическая, т. е. когда эмоциональная окраска учения (ригоризм, аскетизм, жизнерадостность, рационализм и т. д.) отвечает психологическим особенностям социальной группы, вызванным ее положением в социально-экономической организации общества;

3) связь через личность, т. е. когда в учении нет ничего близкого к интересам или психологии социальной группы, но тем не менее группа поддерживает учение, потому что она как-то связана с личностью лидера этой церковной группировки.

Рассмотрим первый вариант. Сущность идей основных догматических группировок вытекает из логического развития догмы, поэтому найти в них выражение интересов социальных группировок ни прямого, ни фантастического нельзя. Ни Арий, ни Афанасий, ни Македоний, ни Аполлинарий, ни любой другой лидер догматического течения не выставляли никаких социально-экономических или политических идей ни открыто, ни обличенных в религиозную форму.

Если искать связи первого типа между догматическими группировками и социальными группами нельзя, то поиски связей второго типа, т. е. психологических могут оказаться более плодотворными. В период развития христианской догматики более или менее четких социально-политических программ практически не было. Собственное социальное положение и собственные социальные интересы лишь в очень слабой степени теоретически осмысливались представителями социальных

⁷ Когда мы говорим, что все догматические проблемы разрешены, это не значит, что учение христианской церкви внутренне непротиворечиво. Но в виде тайн, непостижимых человеческому уму, эти противоречия признаются и таким образом ограничиваются. Спор по этим вопросам все равно исключается.

классов и групп. Поэтому и в идеологии того периода мы сталкиваемся не столько с сознательными социально-политическими программами, сколько с отражением социально-психологических особенностей различных классов и групп. Даже секты с наиболее ярким социальным лицом (донатисты, ригоризм которых, очевидно, отвечал психологии угнетенных, монтанисты, выступавшие против иерархии и ждавшие близкого наступления Страшного суда, авдиане — течение, хотя и возникшее в период бешеной догматической борьбы первой половины IV в., но никак с ней не связанное и осуждавшее епископов за их «обмирщение» и богачей) не выставляли никаких социальных требований. Скорее они отражали настроения, психологию угнетенных масс, а не их осознанные интересы. Но все перечисленные секты — это не расколы, образовавшиеся в результате догматических споров. Догматические споры во всей сложности не могли быть понятны не только простому народу, но даже не всегда всем епископам. Эти же секты как раз отличны от ортодоксии не по кардинально важным в системе догматики, но ничего не говорящим душам и умам простых людей вопросам, а по вопросам вообще не догматического характера, но близким простым людям, например, о принятии «павших» во время гонений. Эти секты стояли в стороне от основной линии развития церковной догматики. В тех же расколах, которые возникали при разрешении важных теологических вопросов (разные группы арианства, македонианство и т. д.), какие-либо социально-психологические оттенки найти значительно сложнее. Эти группы спорили по вопросам малопонятным кому-либо вне узкого круга богословов, и если их учения и различались по своей эмоциональной окраске (арианство и несторианство, например, более сухи, рационалистичны, чем православие или монофизитство), то уловить это различие могли все равно лишь понимающие в богословии люди. Поэтому хотя поиски связей второго типа между догматическими группировками и социальными группами и могут дать определенные плоды, все же эти связи не могут полностью объяснить то, почему массы богословски необразованных людей поддерживали ту или иную из этих группировок.

На наш взгляд связь догматических группировок с отдельными социальными группами могла быть в основном 3-го типа, случайная⁸ — связь через личность. Для богословски малосведущих людей при выборе ими своей принадлежности к конкурирующим догматическим течениям имели значение не столько аргументы этих течений, сколько то, насколько им внушали авторитет личности их лидеров, насколько эти личности были почтению-либо близки той или иной социальной, территориальной или национальной группе. В основном так возникали национальные церкви. Вульфила, просветитель готского народа, был арианином, а не омоусианином или македонианином. Это чисто случайное явление, никак из внутреннего развития готского общества не могущее быть выведенным. Но готы в дальнейшем держатся за арианство, видя в нем символ национальности и независимости. Аналогично возникновение армянского монофизитства, восточно-сирийского несторианства, коптского монофизитства. Объяснить то, что сирийцы — несториане, а армяне — монофизиты, можно только исторической случайностью, иначе мы приходим к парадоксальному выводу об общности психологии армян и западных сирийцев и ее резком отличии от психологии восточных сирийцев.

⁸ Случайная не в том смысле, что группа случайно пошла за этим религиозным идеологом или что он случайно выбирал свою догматическую принадлежность (хотя и это могло быть), но случайно то, что группа пошла за ним, и следовательно, за его догматической идеей не из-за близости к ней этой идеи.

Выводы

1. Христианство могло существовать как догматическая религия, лишь обладая иерархической церковной организацией, не позволяющей возникать разногласиям по разрешенным догматическим вопросам и способной раз и навсегда разрешать вновь возникающие вопросы.

2. Материальным интересом церковного аппарата было установление и сохранение его идейной монополии в обществе и, следовательно, поддержание догматического характера религии. Победа той или иной догматической группировки была тесно связана с карьерой членов церковной иерархии, поэтому за идейной догматической борьбой скрывалась борьба личных материальных интересов членов иерархии.

3. Порожденная социальными сдвигами в обществе потребность в догматической религиозной идеологии и материальный интерес воплощавшего эту идеологию церковного аппарата, заключавшийся в поддержании его идейной монополии в обществе, ставил -и перед этим аппаратом определенную логическую задачу. Эта задача заключалась в создании на базе ряда противоречащих друг другу аксиом непротиворечивой догматической системы. Догматические опоры и были спорами при разрешении этой задачи. Между ними существует логическая последовательность.

4. Связь догматических течений с социальными группами в силу слабого осознания социальными группами своих собственных интересов и удаленности догматических проблем от реальной жизни очень нетвердая и не прямая. Основным типом этой связи является случайная связь через личность лидера догматической группы.